

Литература

1. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
2. Кулинич, М.А. Лингвокультурология юмора. – Самара : СамГПУ, 1999. – 180 с.
3. Морозова, А.М. Типология и интенционное оформление юмористического дискурса // Аксиологическая лингвистика: проблемы языкового сознания и коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград : Колледж, 2010. – С. 223–229.
4. Морозова, А.М. Типы сценариев в рамках юмористического дискурса // *Lingua Mobilis*. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2012. – № 3 (36). – С. 78–84.
5. Поперечный, Д. Нелицеприятный. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IfTlqfHq1d8>. (дата обращения: 20.11.2023).
6. Щербаков, А. Новый Stand Up. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nUVSPHb2N8s>. (дата обращения: 25.11.2023).
7. Cook, D. Why women win 99% of arguments! – URL: https://www.youtube.com/watch?v=nk78_mK0M3I. (дата обращения: 10.12.2023).
8. Carlin, G. People are Boring. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eyWsFfd9pQE>. (дата обращения: 12.12.2023).

А.В. Хасанова

*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет*

К вопросу о сущностных признаках и языковой реализации форм речи

В статье рассматривается текстовая категория формы речи (композиционно-речевой формы) в её знаковой сущности и языковом проявлении. Проводятся параллели с понятием речевого (коммуникативного) регистра. Делается вывод о равноуровневости обслуживающих данную категорию языковых и речевых средств при плодотворности отвлечения от них в теоретическом исследовании.

Ключевые слова: форма речи; композиционно-речевая форма; знак; сущностный признак; речевой (коммуникативный) регистр; предметно-логическое содержание.

Формы речи, или композиционно-речевые формы (КРФ), представляют собой обобщённые модели речевой организации – повествование, описание и рассуждение. Их определение шло по пути установления их знаковой сущности. М.П. Брандес декларирует тройственность КРФ как предметного, структурного и функционального образования [2, с. 60].

Предметная сторона речевой формы соответствует её предметно-логическому содержанию. Типам содержания М.П. Брандес – событию, предмету и проблеме – отчасти соответствуют виды информации Н.С. Валгиной, приписываемые двум уровням познания – эмпирическому и теоретическому [2, с. 59; 3, с. 75]. Уже на уровне предметного содержания КРФ работают с категориями, т. е. с понятиями, не подлежащими дальнейшему обобщению [4, с. 25].

Развёртывание мысли, предметом которой является некая из рассмотренных категорий, составляет структуру КРФ. В этой связи М.П. Брандес различает типы структурного содержания – экстенсивный и интенсивный, причём интенсивные структуры подразделяются по характеру отношений, временному либо логическому. Полученные формы обозначены ею как повествование, описание и рассуждение [2, с. 59–60]. Зачастую рассуждение отграничивается от двух других речевых форм ввиду несовпадения критериев их выделения; у Н.С. Валгиной этому расхождению соответствуют констатирующий и аргументирующий типы изложения [7, с. 19–20; 10, с. 15–16; 3, с. 76]. В теории коммуникативных регистров Г.А. Золотовой описание и повествование разведены по критерию характера воспринимаемых явлений как статическая и динамическая разновидности репродуктивного и информативного регистров [6, с. 29]. Особое внимание ей уделяется предшествующему внешней речи процессу познания, упоминаемому М.П. Брандес в качестве компонента деятельности по созданию речевого произведения и имплицитному в структурном содержании КРФ [2, с. 56]. А именно, Г.А. Золотовой выделены три коммуникативных регистра в зависимости от степени абстрагирования говорящего от действительности, т. е. от хронотопа: репродуктивный, информативный и генеритивный [6, с. 29–30]. Таким образом, в понятии (первичной, по М.П. Брандес, что включает вышеупомянутые формы) КРФ уже при его рассмотрении вне речевого произведения разносторонне отображается мыслительный процесс [2, с. 61].

Здесь необходимо отметить, что, помимо трёх регистров, называемых Г.А. Золотовой монологическими, ею также выделены два диалогических регистра: волюнтивный и реактивный. На первый план в данном случае выходит признак интенции говорящего. Однако, по мнению исследователя, признание абстракций от текстов диалогических и прескриптивных «форм» в качестве регистров не отменяет их вторичности по отношению к регистрам монологическим. Так, по степени обобщения возможно ранжировать волюнтивные высказывания; кроме того, диалогические тексты зачастую формально подчиняются репродуктивным монологическим текстам [6, с. 32–33, 406–409]. Это подтверждает связь с категориями мышления даже тех разновидностей высказывания, дистинктивным для которых

оказывается некий иной признак. Соотнесённость с мышлением, хотя бы ослабленная, обнаруживается и во вторичных КРФ М.П. Брандес, отличающихся от соответствующих первичных КРФ синтезом разных типов логической и грамматической связей; то же касается смешанных и сложных речевых форм в рассмотрении этого автора и регистровых вариантов Г.А. Золотовой [2, с. 61–62, 72–73; 6, с. 442].

Знаковая природа КРФ обуславливает необходимость их функционального рассмотрения, т. е. обращения к экстралингвистическим характеристикам коммуникации. Как утверждает М.П. Брандес, функциональное содержание речевой формы, а именно прагматическое и аксиологическое, заложено в её структурном содержании [2, с. 61]. Г.А. Золотова считает упоминавшуюся ранее коммуникативную интенцию говорящего отдельным критерием для выделения т. н. «структурно-композиционных форм речи»; Н.С. Валгина кладёт в основу выделения т. н. «функционально-смысловых типов речи» тип речевой ситуации, формируемый целью и предметом коммуникации, её ситуативными признаками и социальной принадлежностью коммуникантов [6, с. 29; 3, с. 76–77].

Не являясь языковой или речевой (текстовой) единицей, КРФ как текстовая категория тем не менее находит своё выражение в языковом материале [8, с. 19; 10, с. 20]. По утверждению М.П. Брандес, связь КРФ с языком опосредована промежуточными уровнями. В отношении развёртывания речи, т. е. основного дистинктивного признака КРФ, ею подчёркивается изоморфизм логических и синтаксических связей между высказываниями, происходящий из неразрывности речемыслительного процесса. Германист выстраивает параллели между логической и грамматической связью, отмечая возможность семантических колебаний при варьировании или слиянии форм речи [2, с. 60, 62–63].

Далее, предметное и структурное содержания речевой формы подразумевает определённые семантические типы предложений – в отличие от их синтаксических типов, общих для разных КРФ [10, с. 14]. Г.А. Золотова, кладя в основу текста или текстового блока его категориальную семантику и композиционно-регистровую позицию говорящего, приводит в качестве основных средств их языкового воплощения глаголы, а также имена и модели предложений, варьирующиеся по степени обобщённости (конкретности и отвлечённости, единичности и собирательности, (не)одушевлённости, (не)референтности, повторяемости), по акциональности, по видовому и другим значениям. По аналогии с семантическими рядами глаголов, текстовые функции закрепляются за прочими языковыми единицами и структурами согласно их семантике [6, с. 415, 420–424]. На системно-языковом уровне сходство категориальных значений и текстовых функций именных и глагольных слов подтверждает, с

точки зрения Г.А. Золотовой, изофункциональность категорий имён и глаголов [6, с. 441]. На уровне синтаксиса носители этих значений организуются в предложения соответствующих моделей, на уровне текста – приобретают свой референт. Семантически данные значения располагаются на оси «единичное – множественное», определённой Г.А. Золотовой как один из конститутивных признаков системы коммуникативных регистров: репродуктивный регистр, передавая чувственно воспринимаемое вписанным в хронотоп субъектом сознания, противопоставит двум другим регистрам, передающим результат осмысления чувственно воспринятого или только умозрительное. Оппозиция единичности и множественности заложена в человеческом мышлении; она соотносится с делением суждений по количеству [6, с. 441; 4, с. 53].

Соответственно, следующим языковым проявлением КРФ в тексте может быть названа видовременная форма глагола. Признавая семантическую природу видового значения, подтверждаемую, помимо прочего, его проявлением у именных частей речи и в безглагольных моделях предложений, Г.А. Золотова рассматривает видовременные функции глагола как морфологизированное, центральное средство организации текста [6, с. 420–423]. При этом видовое значение глагола принимается за основное, модифицируемое его временной формой – варьирование субъекта сознания и контекст позволяют осуществлять различные текстовые функции глаголам не только прошедшего, но и будущего и настоящего времени, несмотря на отсутствие формы совершенного вида у последних [6, с. 413–414].

Для уточнения композиционных функций глагольного вида Г.А. Золотова заимствует классификацию древнерусских глагольных форм В.В. Виноградова, в которой различаются функции аористива и перфектива у глаголов совершенного вида и две разновидности имперфективной функции у глаголов несовершенного вида, имперфективно-процессуальная и узуально-характеризующая. Если обобщить, аористив создаёт перспективу (динамику текста), перфектив – ретроспективу (косвенно – также динамику, обозначая состояние, установившееся вследствие предшествующего действия), имперфектив – статику текстового содержания [6, с. 27–28]. Следует заметить, что чередование видовых значений в ряду предложений текста происходит независимо на двух его временных осях, событийной и перцептивной (выделяют также хронологическую ось). Пересечение либо размежевание этих двух осей, в свою очередь, позволяет разграничить сиюминутное объективное восприятие и несоотносимую с ним во времени субъективную интерпретацию составляющих текстовое содержание событий, качеств, процессов и пр. [6, с. 430–431]. Всё вышесказанное позволяет признать вид не просто морфологической, но текстообразующей категорией.

Повышенное внимание Г.А. Золотовой к проблематике вида обусловлено обращением к русскому языковому материалу; примеры учёта временной формы немецких глаголов в типологии КРФ приводятся М.П. Брандес. Для основных подвидов повествования релевантна передача временной последовательности событий посредством одно- или разнотипных предикатов, для основных подвидов описания – обозначение длительного или вневременного состояния посредством однотипных предикатов в форме претерита или настоящего времени. Формы времени в рассуждении отдельно не рассматриваются; ими обеспечивается непрерывная каузативная связь высказываний [2, с. 62, 65, 70].

Упоминание событийного времени не даёт обойти стороной вопрос об отражении в тексте и его грамматике субъекта речи. Его пространственно-временная позиция, сознание, воля (как способность к каузации), знания (как способность к авторизации), наличие у него адресата делают говорящего неотъемлемой частью системы коммуникативных регистров, основанной на степени абстрагирования человеческого сознания от действительности и восприимчивой к смене субъектных сфер [6, с. 232]. Как следствие, к регистровым средствам могут быть отнесены те или иные языковые показатели субъективности – лексемы, синтаксические конструкции, синтаксемы, разряды грамматических категорий – носители лексических и грамматических значений, отмеченных присутствием субъекта сознания.

Одним из ведущих признаков формы речи выступает коммуникативная структура предложения, а именно характер ремы. В частности, такого рода зависимость между текстовыми и синтаксическими явлениями была установлена А.Н. Гвоздём: рассматривая взаиморасположение группы подлежащего и группы сказуемого, он различает описательный и повествовательный порядок слов [5, с. 174–175]. Принимая словопотребление А.Н. Гвоздёва, В.И. Коньков и О.В. Неупокоева пишут о неабсолютности корреляции между порядком слов и «функциональным типом речи», представляя, например, разновидность описания с повествовательным порядком членов, что в приведённой далее терминологии Г.А. Золотовой соответствует качественной рематической доминанте [7, с. 36–37, 39]. С семантической стороны КРФ, по Г.А. Золотовой – с критерием категориального характера воспринимаемых явлений (признаков действительности) соотносимы основные разновидности рематической доминанты: предметная, качественная и акциональная. Реализация некоторой семантики в цепи предложений соответствующей модели и установление характерного для данной модели порядка слов обеспечивает целостность текстового фрагмента. Таким образом организуется типовое содержание текста [6, с. 395–397]. Темарематическая организация текста и результирующий порядок слов (и, соответственно, интонация) в

предложениях рассматриваются Г.А. Золотовой как одно из средств тактики текста [6, с. 458]. Н.С. Валгина видит в реме возможность интеграции логико-смыслового и функционально-синтаксического принципов при изучении природы ФСТР (речевых форм) [3, с. 80].

Можно предположить, что перечисленные явления универсальны и могут быть экстраполированы на материал любого языка. Влияние системных различий языков на проявление в речи способов восприятия и познания действительности оговаривается Г.А. Золотовой [6, с. 423].

Наряду с абстрагированием от языкового материала с целью разработки текстовой категории КРФ, исследовательский интерес представляет функционирование языковых и стилистических единиц и явлений в рамках текстов различных речевых форм. Примером могут служить наблюдения над реализацией иронии и над взаимодействием синтаксических и интонационных средств в разных синтаксических моделях в описании и повествовании [9, с. 122–123; 1, с. 32–33, 62–63]. В первой диссертации на материале русского и английского языков объясняются несоответствия в языковом воплощении стилистического приёма в этих КРФ – помимо прочего, различиями типовой семантической структуры предложений; во второй – устанавливаются расхождения интонационного оформления характерных для этих КРФ (в большинстве своём совпадающих) синтаксических моделей. Выделяя собственный объект и предмет исследования, авторы подобных работ учитывают специфику речевой формы конкретных текстов, служащих эмпирическим материалом.

В заключение следует подчеркнуть, что абстрагирование от языковых проявлений текстовой категории КРФ с исследовательскими целями не отменяет её обязательной языковой реализации в тексте, осуществляемой с помощью разноуровневых языковых и речевых средств. При этом накопленные за период теоретического изучения речевых форм знания позволяют учитывать специфику последних при работе с разным эмпирическим материалом.

Литература

1. Бачурина, А.А. Взаимодействие интонационных и синтаксических средств в художественном тексте функционально-смысловых типов речи «описание» и «повествование» : направление 45.04.02 «Лингвистика» : выпускная квалификационная работа магистра / Бачурина Александра Александровна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2021. – 77 с.

2. Брандес, М.П. Стилистика немецкого языка : для ин-тов и фак. иностр. яз. : учебник / М. П. Брандес. – Москва : Высшая школа, 1983. – 271 с.

3. Валгина, Н.С. Теория текста : учебное пособие / Н.С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 280 с.
4. Виноградов, С.Н., Кузьмин, А.Ф. Логика : учебник для средней школы / С.Н. Виноградов, А.Ф. Кузьмин. – 8-е изд. – Москва : Учпедгиз, 1954. – 175 с.
5. Гвоздѣв, А.Н. Современный русский литературный язык : учебник для студентов фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов. В 2 частях. Часть 2. Синтаксис / А.Н. Гвоздѣв. – 4-е изд. – Москва : Просвещение, 1973. – 350 с.
6. Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова ; под общей редакцией доктора филол. наук Г.А. Золотовой ; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – Москва : Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова, 2004. – 544 с.
7. Коньков, В.И. Функциональные типы речи : учебное пособие для студентов учреждений высш. проф. образования / В.И. Коньков, О.В. Неупокоева. – Москва : Издательский центр «Академия», 2011. – 224 с.
8. Матвеева, Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий : синхронно-сопоставительный очерк / Т.В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
9. Смирнова, С.И. Реализация иронии в констатирующих текстах «описание» и «повествование» (на материале русскоязычного текста поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и англоязычного текста романа Ч. Диккенса «Домби и сын») : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Смирнова Светлана Игоревна ; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2014. – 212 с.
10. Функционально-смысловые единицы речи : типология, исходные модели и принципы развертывания : коллективная монография / под общей редакцией К.А. Роговой. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2017. – 320 с.

Науч. рук.: Кобенко Ю.В., д-р филол. н., проф.